

СИМОН ОСИАШВИЛИ

Интервью Николая Тимохина с Симоном Осиашвили

Симон Осиашвили: "Не сыпь мне соль на рану"

Так много лет назад, на всю советскую страну заявил в своей песне, которая сразу же стала хитом, наравне и с другими его песнями, такими как: "Бабушки-старушки", "Капля в море", "Дорогие мои старики", "Зимний сад", "За милых дам", неоднократный лауреат телефестиваля «Песня года», чьи песни на протяжении многих лет являются неотъемлемой частью репертуара С. Ротару, В. Леонтьева, В. Добрынина, А. Глызина, И. Понаровской, М. Шуфутинского, Ф. Киркорова, И. Аллегровой, Т. Овсиенко, М. Распутиной, С. Лазаревой, И. Саруханова, В. Малежика, К. Семеновой, К. Орбакайте, А. Державина, Н. Сенчуковой, В. Легкоступовой, В. Сташевского, групп «Синяя птица», «Веселые ребята»,

ансамбля **«Золотое кольцо»**, заслуженный артист России, поэт, автор и исполнитель песен **Симон Осиашвили**.

И специально для читателей журнала **«Огни над Бией»**, член Союза журналистов России **Николай Тимохин** задал поэту несколько вопросов.

Николай Тимохин:

Симон, Вы раньше не мечтали стать поэтом, пока Вам не попало стихотворение Александра Величанского «Под музыку Вивальди». Оно настолько Вам понравилось, что побудило Вас в двадцать четыре года, успевшего к тому времени уже окончить факультет прикладной математики Львовского политехнического института и мечтавшего стать программистом, самому взяться за перо. А спустя несколько лет – Вы, уже окончив Литературный институт им. Горького, написали в содружестве с композитором Владимиром Мигулей песню, которую спела София Ротару. Как Вы думаете, это простое везение или веление судьбы?

Симон Осиашвили:

Знаете, есть такая формула: везет тому, кто везет. В середине 80-х время стадионной поэзии, к сожалению, было уже в прошлом, она стала делом камерным, а мне, как любому автору, естественно хотелось, чтобы мои стихи пришли как можно к большему количеству людей. Так вот, когда по просьбе одного молодого композитора после долгих его уговоров я наконец согласился написать

песенный текст, и буквально через две недели увидел, что стихи, которые я сочинил, в виде песни слушают в зале сразу пятьсот человек, то понял – вот оно! Вот путь к людям – надо писать песни. Я разложил в конверты свои опусы и разослал композиторам, чьи песни мне нравились и были широко известны. Вот такой у меня был продюсер – Почта СССР. Потом я стал их обзванивать и спрашивать о возможности сотрудничества. Признаюсь, практически все они под тем или иным предлогом отказались от моего предложения, за исключением Владимира Мигули, который сказал, что мои стихи ему понравились и предложил написать текст на его мелодию. Когда я приехал к нему домой, то увидел, что стол его был буквально завален стихами, которые ему слали со всей нашей страны, которая оказалась не только самой читающей, но и самой пишущей. Как он в таком потоке обратил внимание на мои сочинения, не знаю, наверно не обошлось без благоприятного для меня расположения звезд, потому что способных людей всегда больше, чем состоявшихся. Ну вот, написал я стихи на мелодию Мигули, а он мне говорит, что стихи хорошие, только он решил сочинить на них другую мелодию – так и появилась на свет песня «Дни летят», которую очень скоро в исполнении Софии Ротару узнала вся страна. А позже Мигуля мне предложил написать еще один вариант текста на первую мелодию, которая осталась «не у дел». Я и сочинил, да только Мигуле эти стихи не глянулись, но я не огорчился, а отослал их Давиду Тухманову – так родилась песня «Старое зеркало», за которую я получил свой первый диплом на фестивале «Песня-86».

Н. Т.:

В создании своих песен Вы сотрудничали с такими композиторами, как Владимир Мигуля, Давид Тухманов, Вячеслав Добрынин, Игорь Крутой, Виктор Чайка, Владимир Матецкий. При работе с каким из этих композиторов у Вас, может быть, произошел решающий поворот в Вашем творчестве? Или сотрудничество с каждым из них у Вас оставило неизгладимый след?

С. О.:

Знаете, в творческом союзе очень важны еще и личные отношения. В этом смысле для меня очень важным стало то, что с Вячеславом Добрыниным у нас сложились еще и человеческие отношения. Мы стали друзьями. Я многому у него научился, потому что он был более опытным автором и к моменту нашего знакомства написал огромное количество популярных песен. Но все его соавторы были старше, чем он, а ему, судя по всему, хотелось общения с более молодым человеком. И им оказался я. Наверно, не только потому, что мои стихи ему нравились, а еще и потому, что ему хорошо было по человечески со мной общаться. В результате нашей дружбы появилось немало не самых плохих песен, таких как «Не сыпь мне соль на рану», «Колодец», «Бабушки-старушки», «За милых дам», «Капля в море» и много других. В частности, песня «Ах друзья, мои друзья», с которой началась карьера Добрынина как исполнителя, до этого он был только композитором.

Н. Т.:

Как известно, Симон, Вы также пишете различные гимны. Ваша песня-хит «Дорогие мои старики» это тоже своего рода гимн людям преклонного возраста. В тот момент, когда она Вами создавалась, о чем Вы думали или переживали? Быть может, Вы вспоминали своих родителей и отчий дом?

С. О.:

Я никогда не пишу песни под влиянием каких-то событий или эмоций. Для меня толчком к написанию является поэтический образ или строчка, которая «заводит» меня, с которой мне хочется возиться. Дальше начинается литературная работа, с зачеркиваниями, переделками и т.д. То есть, включается ремесло. Так же было и с песней «Дорогие мои старики», единственное, что ее отличает от других, это то, что я не затратил никаких усилий для ее сочинения: просто вдруг возникла строчка *«постарели мои старики»* - и дальше я писал, как под диктовку, не зачеркивая и не меняя ни одного слова. На сочинение этих стихов мне понадобилось ровно столько времени, сколько ушло, чтобы записать их на бумаге. Естественно, живу я не на облаке, и, наверно, весь мой жизненный опыт, мое мироощущение как-то отображается в стихах, и слова, которые были мне продиктованы, тронули людей. Быть может, своей простотой и естественностью, не мне судить, но песня живет уже почти тридцать лет, а время не обманешь.

Н. Т.:

В Вашем творческом багаже более 600 песен; многие из которых стали неотъемлемой частью репертуара Валерия Леонтьева, Вячеслава Добрынина, Алексея Глызина, Ирины Понаровской, Михаила Шуфутинского, Филиппа Киркорова, Ирины Аллегровой, Татьяны Овсиенко, Маши Распутиной, Светланы Лазаревой, Игоря Саруханова, Владимира Малежика, Кати Семеновой, Кристины Орбакайте, Андрея Державина, Натальи Сенчуковой, Валентины Легкоступовой, Влада Сташевского. О чем еще Вы не сказали в своих песнях? Есть ли незатронутые темы?

С. О.:

В числе исполнителей моих песен есть также Пугачева и Басков, Гвердцители и Буйнов, Понаровская и Павлиашвили. А что касается тем, то я никогда об этом не задумываюсь, потому что, повторяюсь, меня заводит не тема, а строчка или образ. Тем более что обо всем на свете уже давным-давно все написано, наверно, и мной тоже. Так что новыми могут быть вовсе не темы, а слова и образы. То есть, не о чем, а как.

Н. Т.:

Вы написали немало песен о любви. Одна их них из репертуара Тани Овсиенко называется "Красивая девчонка". И с кем же, как не с поэтом-песенником поговорить о вечных ценностях. Как известно – красота спасет мир. Как Вы думаете, Симон, так ли это? И если красота все же спасет мир, то от чего и когда это произойдет?

С. О.:

Во-первых, это совсем даже не известно. Это не истина в последней инстанции, а всего лишь высказывание князя Мышкина, который, как известно, является главным героем романа с красноречивым названием «Идиот». И уж во всяком случае, речь может идти только о духовной, а не о физической красоте. Физическая точно не спасет, скорее, наоборот.

Н. Т.:

В 1985 году Вы окончили Литературный институт им. Горького, где семинаром поэзии до последнего года своей жизни руководил поэт Лев Ошанин, чьи стихи мне очень нравятся. Также творческое влияние на Вас оказал и Михаил Танич. Какие у Вас воспоминания остались об этих ярких поэтах?

С. О.:

Лев Иванович Ошанин был очень близорук, почти ничего не видел. Однажды, помнится, он пришел к нам на семинар на костылях, мы, естественно, стали спрашивать, что случилось. И услышали от него, что накануне он выступал перед женщинами, поздравлял их с 8-м Марта, и по причине этой самой близорукости не увидел на сцене открытого люка, куда и провалился благополучно, сломав при этом ногу. Но тем не менее самостоятельно выбрался и закончил свое выступление, невзирая на травму. А когда мы его спросили, к чему такой героизм, он ответил, что не мог поступить иначе, ведь в зале были женщины. Вот такой был Мужчина. С Таничем у меня была скорее творческая, нежели человеческая близость, считаю, что его поэтика в какой-то мере повлияла и на мою работу. Мне говорили, что он благосклонно отзывался обо мне, а этого удостаивались немногие. Кстати, он дал мне рекомендацию для вступления в Комитет литераторов – была когда-то такая организация, членство в которой позволяло не считаться тунеядцем в Советском Союзе, зарабатывая литературным трудом.

Н. Т.:

В молодые годы Вам крупно повезло с учителями поэзии. Сейчас, особенно в глобальной сети, появилось очень много авторов, которые считают и называют себя поэтами, при этом, не всегда имея специального на то образования и опыта общения с мэтрами поэзии, подобно Вашему. Что Вы можете посоветовать молодым авторам - начинающим поэтам, как развивать свое мастерство?

С. О.:

Я никогда не называю себя поэтом, только стихотворцем. Поэтом тебя должны считать другие люди, а не ты сам. Вообще, Лев Толстой предложил, по-моему, замечательную формулу, определяющую величину человеческой природы. Человек, говорил он, это дробь, где числитель – это то, насколько его оценивают окружающие, а знаменатель – это то, какую оценку себе дает он сам. Чем больше знаменатель, тем меньше дробь. Что касается литературного мастерства, то здесь советов быть не может. Конечно, полезно что-

нибудь сочинять, развивая свои версификационные способности, но это не сделает тебя поэтом, потому что поэт определяется мироощущением и отношением к слову. Надо читать стихи других авторов, а не только свои, но это всего лишь поможет расширить кругозор, как это произошло со мной в Литературном институте. Хотя самое главное, чему я научился в институте, так это держать удар товарищей по цеху: когда мы обсуждали на семинарах работы друг друга, то просто рвали друг друга в клочья – и таким образом вырабатывался иммунитет от мнения коллег. А это очень важно в жизни вообще, а в творчестве особенно.

Н. Т.:

И снова возвращаясь к Вашему творчеству, хочется отметить немалое количество Ваших песен, которые уже можно считать народными. Их знают и распевают миллионы людей. Одна из таких песен «Все мы бабы – стервы». С этим утверждением я думаю, согласятся многие мужчины хотя бы еще и потому, что оно звучит из уст самой императрицы российской эстрады Ирины Аллегровой. Эта Ваша песня была написана специально для нее? И как это происходило?

С. О.:

Очень важно, когда образ, создаваемый артистом, органичен его натуре. И когда эта органика есть, можно рассчитывать на успех. Поэтому очень важно писать не просто так, а для конкретного исполнителя. Так у меня было с Тамарой Гвердцители, когда я писал для нее песню «Мамины глаза» или с Ириной Понаровской, для которой я сочинил песню «Ты мой бог». И «Зимний сад» и «Ты не ангел» были написаны специально для Алексея Глызина. Что же касается песни «Все мы бабы – стервы», то она не писалась адресно для Аллегровой. Просто родилась строчка «*все мы бабы – стервы*», завела меня, ну а дальше как всегда, я уже рассказывал об этом. Более того, первой этот текст с другой музыкой исполнила Надежда Бабкина, но тут как раз не было органики – поэтому у нее песня не пошла, и она вернула мне стихи. И тогда Игорь Крутой написал на них другую мелодию и показал Аллегровой. Вот тут-то и возникла гармония песенного образа и натуры артистки. Поэтому песня обрела

крылья. Вообще, я убежден, что у песни всегда три родителя – композитор, поэт и исполнитель.

Н. Т.:

И опять хочется вернуться к секретам писательского мастерства. Симон, откуда Вы питаете вдохновение для своих стихов? Посоветуйте, как нужно поступать поэтам, когда им «не пишется»?

С. О.:

Опять-таки обращаясь к классикам, вспоминаю замечательный рецепт Льва Толстого: если можешь не писать – не пиши. А для меня, повторюсь, творческим толчком является поэтическая строчка или образ. Иногда они возникают под влиянием музыки – поэтому очень люблю писать на готовые мелодии. Если они мне нравятся, конечно.

Н. Т.:

Симон, наша беседа с Вами это всегда яркое и незабываемое событие не только для читателей, но и авторов нашего журнала. Хочу Вам пожелать новых хитов, побед на литературном поприще и удачи во всем.

С. О.:

И Вам не хворать. Остальное приложится.

